



Рисунок Нади Ручевой

Алёна ГОЛЕВА

16-летняя Алёна Голева из Юрги – самая молодая среди участников литературного клуба «Откровение». Ученица 10-го «Б» класса школы № 6. Алёна смело заявляет, что литература для неё «не просто увлечение, а смысл для совершенствования и развития». Мечтает поступить в Санкт-Петербургский государственный университет на факультет журналистики.

НОТЫ, СПАСАЮЩИЕ ЖИЗНЬ... (Страницы из дневника женщины, которая верила)

Сентябрь, 1941-й

Война настала без предупреждений. Жили, отводя горестные мысли. Каждый вздох был наполнен трепетом к завтрашнему дню...

Как прекрасно жить, просто жить! Верить, ждать чего-то, любить и находить себя. Но многие посчитают тебя «не таким, как все», ведь ты не живёшь под копирку и хочешь быть собой, выделяясь и создавая новое. Всё было так, пока дикий крик сердец не разорвал прежнюю жизнь...

Все ждали «чёрных карателей», а я верила в светлое будущее и иногда молилась в незаметном уголке нашей швейной. Тогда были в запрете «женские цацки», приходилось их держать в суровой тайне, даже от родственников. После каждой молитвы я добавляла: «Боже, сохрани Марьюшку мою, дай ей просто жить, не зная врага в лицо и страшных дней». Моё тело содрогалось от представленной картины, но тут же всё проходило, и я продолжала... И только по-предательски тихо катились слеза. Нас страшно гоняли, пугали отменой выдачи продуктов и увольнением, все боялись и мерились с военными законами.

...А для меня это были лишь пустые слова, ведь вера во мне, как уголёк во время бури разгорается с каждым порывом всё сильнее! Ведь ничто не сможет сломить женщину, которая верит...

Июль, 1942-й

Снова пишу...

Просыпаюсь утром и понимаю, что я счастлива! Ведь что может быть лучше лёгкого покачивания деревьев... Приятный шелест листьев под моим окном и мирное небо, охраняющее сон моих малыши, спокойно сопящей рядом. Моё сердце переполняет любовью ко всему, что меня

окружает, и даже соседский щенок, вечно лающий, мне кажется умильительным – ведь и он счастлив! Я живу в постоянной молитве, чтобы жизнь не прерывалась и ты была рядом, мой ангел.

Да, моё сердце замирало именно в тот момент, когда я представляла, что могу потерять весь смысл жизни, так до конца и не поняв его.

Для любой матери ребёнок – это то, что придаёт смысл её существованию. А моя Мариничка для меня – больше, чем смысл. Когда сына забрали, я думала, что сгинем, ведь он был единственный кормилец, а дочь ещё мала. Но я смирилась и продолжала наблюдать за происходящим в мире, без укора и двусмысленных фраз. Люди смотрели на меня и думали, что я рождена такой, и я слышала их мысли, они громче душевного крика... Нет! Меня воспитали те суровые времена, а не мать.

Не прошло и месяца, как слёг муж, пришла похоронка о смерти сына, любая бы сломалась! А я стала только сильнее, ведь у меня осталась надежда – вот она, спит мирным сном, нежно обнимая мою руку. Что может быть лучше?

Август, 1942-й

Трудно.

Все грёзы были оправданы, мы живы, а значит, не умрём! Вчера была дикая буря, выбило стёкла, но страх покинул нас. Сегодня предстоит трудный день – переживания прочь! В нашу швейную поступил звонок о том, что надо выполнить наикрупнейший заказ... Годовой...

«Война должна постучать и в наши двери, но мы не откроем», – тихо шепчут наперёд мои мысли. Молитва... Сон... Мне предстоял нелёгкий разговор с дочерью, к которому я готовилась с трудом, и слёзы душили, не давая покоя.

– Мамочка, почему ты такая грустная? Меня вчера забрала тётя Валя, у неё в зале стоит огромный рояль. Мамочка, ты не представляешь, как красиво тётя играет! Я попросилась научить меня, и она согласилась... Почему ты плачешь, родная?! Я тебя люблю, не плачь. Ты же говоришь, что плохая война не достанет до нас? Так ведь?

– Да, дорогая моя...

– Мамочка.... И тётя Валя так говорит. Всё будет хорошо! Тётушка придёт за мной завтра, и мы опять будем играть на рояле. Можно?

– Марьюшка, я сама тебя отведу к Валентине, я с ней договорилась.... Понимаешь, сейчас нужна помощь на фронте.

– Нет, мамочка, ты так же уйдёшь, как мой брат, и мы тебя больше не увидим! Не уходи!

Я не смогла ответить и только поцеловала её в голову, каштановые кудри, наивно рассыпанные по плечам, как это бывает у ангелочеков. На этом наш разговор закончился, и Марьяна тихо заснула под капель плачущего неба...

30 августа, 1942-й

Стояла пасмурная осенняя погода. Прошло лето, и уже неделю лили холодные проливные дожди. Все животные прятались, не выходя даже за едой.

Я молча разбудила дочь, минутная готовность – и я отвела её в безопасное место, где точно с ней ничего не слу-

чится. Сегодня мы понимали друг друга без слов, мысленно. «Валя, я вернусь... Сбереги её...» И я ушла. Дождь спрятал мои слёзы, понимая меня.

«Чем может помочь слабая женщина на такой войне, смешно! Ты и день не протянешь без ваших бабских погремушек. Иди домой», – усмехнулся как-то мужчина, когда ходила в приёмный пункт... Но я рискнула всем: своей жизнью, любимой дочерью. Я стояла в очереди! Да-да, сотни моих земляков, в том числе и женщин, стояли с самого утра до глубокого вечера, чтобы пойти воевать за Родину, а если нет, то хоть спасать жизни в полевых больницах! Не думала, что наступит время, когда покину дом и пойду на защиту Отечества, ведь с детства я боялась крови и терпеть не могла даже рогатки. Но жизнь удивляет и поражает, так что я стою в этих рядах.

Моё внимание привлекла женщина примерно моих лет. Она была одета в простое рваное платье... Заметив мой взгляд на себя, она прикрыло лицо руками и зарыдала, присев на камень... Она продрогла насквозь. Я подошла к ней, и мы тихо плакали вместе, обнявшись.

– Меня Зиной зовут, – прошептала она.

Я назвала своё имя и услышала историю из её жизни, так похожую на мою.

– Знаешь, год назад у меня забрали сына на фронт, как ты поняла, он не вернулся. И только похоронная открытка! Боже! Что они могут знать, когда говорят: «Мы сожалеем, примите наши искренние соболезнования». Что?! Вот именно ничего! Он был единственный кормилец в семье, моей дочери сейчас даже шести лет нет, а жизнь её на волоске! Каково мне лгать на её проникновенные вопросы: «Мамочка, война ведь скоро закончится, и я пойду в школу? Мамочка, когда братик придёт?» И не объяснишь ведь, она еще очень мала, чтобы знать правду. Жестокую правду. Знаешь, а ведь у неё прекрасный голосок... Пойт вечерами мне, говорит, что брат её слышит и подпевает ей. Каково, а? Я ей лгала, когда говорила, что поеду за братиком, а сама...

Было около одиннадцати вечера, и очередь дошла до нас. Принимали всех, и это радовало меня: «Не умру, так спасу!» Но всё произошло не совсем так, как хотелось бы. Зинаиду сразу же отправили, а мне было сказано: «Останешься здесь. Будешь работать в поликлинике, иди на распределение». И я отправилась знакомиться с новым местом работы.

Меня определили в коллектив, в котором трудились прекрасные женщины, у нас с ними похожие судьбы.

12 мая, 1943-й

Я была на седьмом небе от счастья! Ведь я буду рядом с дочерью и смогу спасать жизни...

Быстрее степного ветра вбежала в дом Валентины, а там моя Марья сидит за роялем и тихо напевает что-то! «Ты пришла! Я верила, мамочка. Верила», – звонкий голосок Мариночки разбудил во мне жизнь, и я поняла, что не простила бы, если умерла бы и оставила моё голубоглазое чудо один на один с кровожадной бойней! Хотя до нас война, слава богу, пока не добралась. Пока что...

«Марина быстро учится. Днями сидит за роялем. Я горжусь ей! Способная девочка, живёт и рождает своим голосом жизнь вокруг», – закончила монолог Валентина.

Я была рада видеть эту стройную женщину, всегда мило улыбающуюся. Моя дочь цела, окружена заботой и теплотой этой бескорыстной женщины. «Доченька! Я больше никогда тебя не оставлю. Я обещаю, скоро всё закончится и мы поедем на море, о котором ты всегда мечтала!» Да-а-а... Веру женщины ничто не погубит, даже пуля, это я понимала точно.

Август, 1943-й

Долгое время не оставляла записей в своём дневнике, и в ближайшее время не получится... Времени нет даже строчку черкнуть, напряжённые будни, но привыкли... К нам прислали ещё одну женщину. Милая, молоденькая, с очень красивым голосом, поёт нам, даже больные полюбили Куряжевое Чудо. Так ее прозвали в госпитале.

Впервые с начала войны мне приснился сон. Необычный...

Идём с Мариной по парку, и тёплый весенний ветер доносит аккорды песни. Марьян дергает меня за руку... И тут картина меняется. Я стою над пропастью, вокруг всё затянуто то ли дымкой, то ли туманом. И вроде бы выжженное кладбище. Холодно, и стоит пугающая тишина. Доли секунды, чтобы понять, где я. Всё вокруг зачуржилось, замельтешило перед глазами, и я начинаю дико кричать в недоумении, где же моя дочь?! Опять слышатся те же самые музыкальные нотки, но уже как будто кто-то поблизости играет... Я падаю в эту пропасть и вижу чёрный рояль, а за ним Марина, облачённая в траурные одежды...

151

Разбудила меня напарница, мол, «нужна срочно твоя помощь, я одна не справляюсь», и я очнулась в холодном поту, не понимая, к чему этот сон.

Уже давно глубокая ночь, но к нам по-прежнему поступали бойцы, говорят, на фронте дела ухудшаются. Но это для меня было обычным. Из головы так и не выходил сон, и я ещё и ещё раз его вспоминала, прокручивала, как киноленту, так и не найдя его смысла, но беспокойство захраплось в мою душу, ведь там была моя дочь. Помолюсь после перевязки за здоровье моей девочки. Ах! Ещё машина подъехала...

Сильные порывы ветра, и мне кажется, что я слышу нежные звуки рояля, доносящиеся издалека. Марина ли это?!

1944-й

Недавно только выпал прекрасный серебристый снежок. Он покрыл землю девственной чистотой, напоминая, что спасение близко... Я уже три дня не приходила домой: живём рядом с ранеными. Местный почтальон рассказывает, как там солнце моё... Говорит, что не может наслушаться ею, талантливая очень. Этим и живу, но сегодня волнение одолело мое сердце, и ничего поделать не могу. Не такое, как в первые дни войны. Не такое... Вспомнила сон, который увидела недавно, стало ещё хуже.

К нам в больницу каждый день привозят раненых бойцов. Моя боязнь крови давно улетучилась, мы с напарницей в день спасаем по 5–10 солдат каждая!

Однажды к нам поступил парень, я его сразу узнала. «Чем может помочь слабая женщина на такой войне, смешно!» – эти слова занозой сидели в моей памяти. У

неко сквозное... Мы и этого паренька спасли в тот вечер, но он меня не узнал. Контузия. Лишь искрящаяся улыбка и проникновенное: «Спасибо, ты мне жизнь спасла. Если бы не ты, то сгинул бы сразу». Так приятно получать слова благодарности за свою работу!

Но снова волнение, что-то тревожит моё существо... Да что же это такое?! И, как назло, вспомнился сон...

Достала из старого узелка фотокарточку, на которой была изображена вся наша семья: я, муж, ещё живой сын и доченька Мариночка. Тихая молитва помогла мне побороть отчаяние и спокойно подумать о дальнейших действиях. «Сегодня нельзя плакать, поддаваться страху и отчаянию!» – точно решила я для себя.

Вечерело, снежинки, вальсируя, медленно ложились на землю. После взбалмошного дня, суетливых разговоров, бесчисленных процедур тихой надеждой легла на сердце мысль: «Почему у меня такой страх на душе сегодня? Может, Валентина вернут и скажут, что по ошибке похоронка. Пусть хромого, слепого, но лишь бы...».

Не успела выйти на улицу, как слышу: «Ложись, война и к нам пришла! Готовь больных!» И тут я поняла, что материнское сердце никогда не обманет и волнение было не напрасно. Не больше десяти минут я потратила на сборы раненых, которые могли худо-бедно воевать.

Машина отъехала. Я рванула что было сил в сторону дома: оврагами, избегая открытых мест, чтобы не убили. До дома было порядка пяти километров, не знаю как, но я не была замечена, и вон уже дом виднеется за горизонтом. Я спряталась за дерево, вдали не было видно военных: все они отправились в соседнюю деревню...

«Марьушка! Марьушка! Господи, спаси!» – сердце билось мелкой дробью, но кричать нельзя, даже у деревьев сейчас были уши. Незаметно перебежав до ямы, увидела, как в противоположной стороне прерывается жизнь моих медсестричек... Боже! Ведь я могла быть в их числе.

Закат сделался кровяным отблеском в глазах караевых, я отвернулась... Понимая, что у меня мало времени и, возможно, дочурка ещё жива, я побежала в направлении дома Валентины. Да-да, я должна во что бы то ни стало спасти Мариночку! «Умереть, но спасти!» – непрерывно стучало в висках, когда я, глотая пыль, спотыкаясь, неслась к родному дому.

Бежала, позабыв про осторожность, но Марину в доме не оказалось, там вообще никого не было, и лишь стены, издробленные пулями, тихо стонали... И темнота... Кровь... Слёзы... Тихий крик... И... О счастье! Да-да, вспомнилось, как почтальон говорил, что Валя собиралась спрятаться с моей дочуркой у своей сестры до тех пор, пока я не вернусь. Во мне зажглось что-то, и я знала, что всё так будет?

Дом Валиной сестры находился в соседней деревне, до которой ещё не дошли страшные крики смерти, а значит, надежда есть и надо бежать. На старых часах стрелки показывали 19:20.

«Надо же, полностью изрешеченные, а идут», – покидая пустой дом, думала я.

Тишина, даже соседский пёс не лает, как это обычно с ним бывало. Я прокрадусь и буду не замечена под покровом темноты. Время летело, а мне показалось, что прошла целая вечность, пока я добралась до места! По дороге к заветному дому не встретила ни души, что повергло в тихий пугающий страх. Все мои молитвы были только о спасении ангела моего, Марьушки.

Боже! Что это? У меня начинаются галлюцинации?! Снег закружился, но уже в другом ритме: ритме счастья... Нет, это не галлюцинации – это действительно голосок Маринки и рояль! Рояль! Да, это определённо он! Как красиво.

Отдышавшись, я приблизилась к дому. За старым роялем сидела Марина. Тоненькие пальчики играли прекрасную изящную музыку.

– Доченька, ты жива... Доченька.

Доли секунды, и восхищение, разогнавшее все сомнения:

– Мамочка, ты жива. Мамочка, я люблю тебя! Я верила. Мы думали, ты умерла. Мамочка, где ты была?! Я играла тебе каждый вечер, но ты не приходила.

– Всё-всё, успокойся, милая, я больше никогда не оставлю тебя. Никогда. Почему ты ещё не легла спать, ведь уже так поздно? – вытирая слёзы с детского личика, спрашивала я.

– Тётя Валя сказала, что пока тебя нет – играть, чтобы ты услышала и смогла нас найти.

В этот момент я проклинала себя всё сильнее и сильнее: «Как я могла оставить её одну, второй раз? Мой наивный цветочек, который не знает слова «плохой».

152

Июнь, 1945-й

В воздухе пахнет победой. Великой Победой. В деревню вернулся только Толик (из 150 ушедших на фронт один возвратился, вот такая арифметика!), с перевязанным глазом и без ноги. Страшно. Но прожито.

– Это не люди, это звери. Мы шли до Берлина босыми по снегу и доказали, что достойны жить непобеждёнными и с мирным небом над головой. Я попал под распределение в *** отдел, нас там было много, мужчин разных возрастов. Самому младшему было шестнадцать, а так сказать, «старшине» Петру Ивановичу, царствие ему небесное, семьдесят восемь лет. Старик, а ведь ни его, ни девчонок наших не щадили. Когда напали на полевую больницу, всех на «красную поляну», даже детей из деревень туда же, они ещё и жизни не успели увидеть! Звери!.. – рассказывал о войне Анатолий с лицом смирившегося человека, не проронив ни одной слезинки, что вызывало уважение.

Мы в свою очередь тоже поведали о том, что творилось в наших деревнях, потом в комнату вбежала Марина и тихонечко шепнула Анатолию:

– Дядя Толя, а давайте я вам сыграю... Тогда ваши друзья услышат и придут к нам, меня мама так нашла: услышала и пришла домой, на зов сердца...

И она начала музенировать, полились тихие лирические звуки. Мы сидели часа два, разговаривали, казалось, вечности будет мало, чтобы описать всё то, что пережили люди за долгие годы войны...

Да разве ж можно такое забыть! Это – преступление!..

31 декабря, 1946-й

Судьба нам часто представляет различные испытания, а мы либо справимся с ними, либо сгинем от этих пыток навсегда. Чтобы выжить, нам требуется, так сказать, стимул. Для меня таким стимулом была дочь, ради которой всё было пройдено и пережито... Та невероятно тяжёлая и кровожадная война закончилась, а память осталась, память о наших героях и Родине, не поддавшихся гнёту врага.

...Просыпаюсь утром и понимаю, что счастлива! Моё сердце вновь переполнено любовью ко всему. Понимаю, что судьбы наши были надломлены и подготовлены к другой, новой, жизни, за что я и благодарна всему, что способствовало этому!

Моя дочь стала известной пианисткой. Благодаря своей детской вере, упорству, желанию, чтобы я её поскорее нашла, она, не останавливаясь, играла в те страшные дни и дождалась-таки, и сбылась её заветная мечта!

Я до сих пор в ужасе представляю, что было бы, если я не пришла бы к ней или погибла... О! Тот жуткий сон, я поняла его смысл. Поняла!

Марина спасла нас своей верой и молитвами жалостливых нот, играя для простых людей... И она иногда обращается ко мне со словами: «Ничто не может сломить верящую женщину. Я не потеряла веру в тебя. Я не потеряла веру во спасение...»